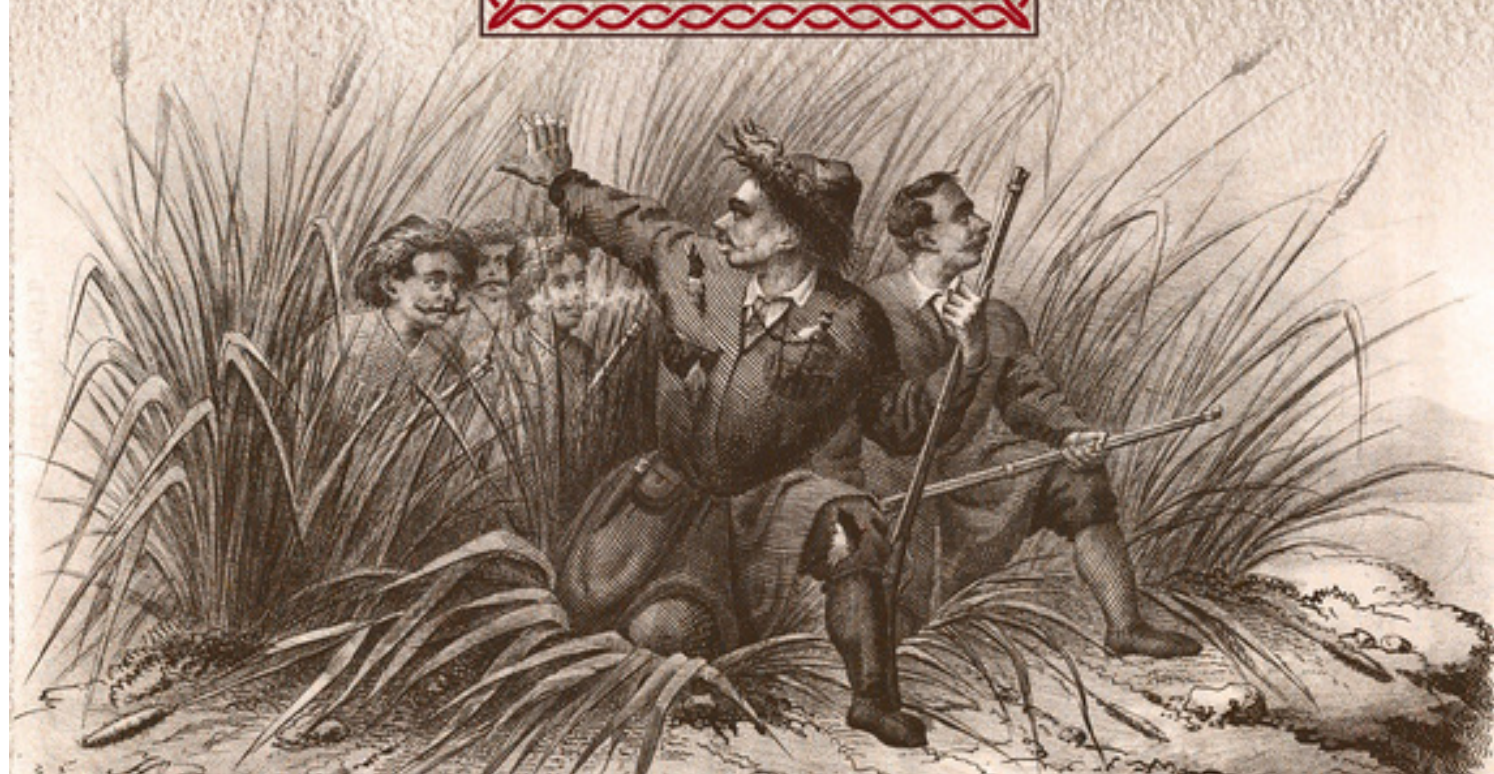

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ

История казачества

Прокопий Короленко

Черноморские казаки (сборник)

«ВЕЧЕ»

1858, 1874

Короленко П. П.

Черноморские казаки (сборник) / П. П. Короленко — «ВЕЧЕ»,
1858, 1874 — (История казачества)

...Безвозвратно канула в прошлое упраздненная, позабытая Запорожская Сечь. Но не погиб казачий дух на южных рубежах России. И в 1787 году бывший запорожец Сидор Билый вновь собирает вольные казачьи команды – меж Бугом и Днестром, у рубежей Новороссийской провинции. Через пять лет пришлось казакам перебираться на Кубань, где и родилось Черноморское Казачье Войско. А в XIX веке его летописцами стали легендарные казачьи историки – Иван Диомидович Попко и Прокопий Петрович Короленко. Их-то труды, давно ставшие библиографической редкостью, и составили эту книгу – бесценный подарок ревнителям истории Отечества.

© Короленко П. П., 1858, 1874

© ВЕЧЕ, 1858, 1874

Содержание

И.Д. Попко	5
Часть первая[1]	5
Рассказ первый	5
Рассказ второй	11
Рассказ третий	13
Рассказ четвертый	16
Рассказ пятый	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

И.Д. Попко, П.П. Короленко

Черноморские казаки (сборник)

И.Д. Попко

Черноморские казаки в их гражданском и военном быту

Часть первая¹

Черноморские казаки в их гражданском и военном быту

Рассказ первый

Топографический очерк Черноморья

Кавказская линия делится на два крыла: одно из них достигает до Черного, другое до Каспийского моря. Естественной чертой тому и другому крылу служат две первостепенные реки, берущие свое начало от одной полосы вечных снегов и одинаково окаймляющие северную покатость Кавказских гор, но текущие в противоположных, одна от другой, направлениях и развивающиеся до противоположных оконечностей горного хребта. Это Кубань и Терек. Первая собирает на пути своем и уносит воды гор в Черное, последний – в Каспийское море.

По течению Кубани простирается правое, по течению Терека левое крыло.

Содержание Кавказской линии разделено, неравными долями, между двумя поселенными казачьими войсками: Кавказским и Черноморским. Все левое и большая половина правого крыла, или, другими словами, больше двух третей всей линии, заняты кавказскими; остальное же протяжение правого крыла, до самого окончания линии над Черным морем – Черноморскими казаками. Хотя населенность и военный состав обоих войск почти одинаковы, но поселение кавказских казаков растянута в длинную, более или менее узкую полосу, – между тем как Черноморские казаки занимают своим поселением глубокую, почти круглую площадь, известную на Кавказе под именем *Черноморья* (45° сев. шир. и 36° вост. долг. от о. Ферро²).

Как нераздельная часть Кавказского перешейка, Черноморье сливается, на восток, с Землей Кавказского казачьего войска и Ставропольской губернии. На юг река Кубань отделяет его от пространств, обитаемых кавказскими народами Черкесского, или Адигского племени: абадзехами, шапсугами, бжедугами, женейцами и натхокаджами. С юго-запада омывается оно Черным морем, а с запада Керченский (Таврический) пролив отрезывает его от Крыма. Дальнейшим оттуда рубежом, наискось, на северо-восток, тянется излучистый берег Азовского моря, оканчивающийся крутым заворотом от северо-востока прямо к востоку. Остальное в этом направлении продолжение северного рубежа Черноморья совпадает с южной границей Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Черкасского округа Донского войска. Живой межей проходит по этой черте речка Ея.

¹ В книге частично сохранены стилистика, пунктуация, написание географических названий XIX века.

² Соседственные горы называют Черноморье *Боткале*, а все остальное Подкавказье просто – Московия. Название Боткале перешло к горцам от крымских татар, которые величали этим, не слишком блистательным, прозвищем Запорожье. Боткале значит собственно: обиталище кашников, кашня.

Длина Черноморья, по почтовой дороге из Ставрополя на Керчь, простирается до 250, а ширина, по другой, перпендикулярной к первой, почтовой дороге из Ростовского уезда на Екатеринодар – до 200 верст.

По сделанному недавно измерению вся вообще поверхность земли Черноморских казаков заключает в себе 28 000 кв. верст, или 2 900 000 десятин. (В этом числе неудобной земли 600 000 десятин.)

По числу жителей, считая оба пола, приходится на каждую кв. версту около семи душ, или на каждую душу – около шестнадцати десятин.

Небольшое пространство края, к стороне Крыма, вышло отдельным клином промежду морских и кубанских вод. Это Таманский остров, лоскут земли в 95 973 десятины. Поверхность его холмиста и возвышена над морским уровнем на 85 футов. Сюда Кавказ отбрасывает крайние свои северо-западные отроги. Западный берег Таманского острова и противоположный ему берег Таврического полуострова так сходны между собой в наружном виде и внутреннем строении, как две части разломленной пополам глыбы земли.

За исключением Таманского острова, все остальное пространство Черноморья состоит из гладкой и очень мало приподнятой над морем равнины, или из одного необозримого луга, слегка покато к берегам Азовского моря, открытого на восток и на север и обойденного с остальных сторон водами и болотами. По направлению общего поката к Азовскому морю равнинная поверхность Черноморья прорезана множеством балок (плоскодонных оврагов), сухих и мокрых. Последние, как способные задерживать воду, носят название речек. Пересмотрим их, одну за другой, от севера к югу.

Речка *Ея*, больше других обильная водой и приводящая в движение наибольшее число мельничных поставов, берет свое начало в Ставропольской губернии и, проходя живой межей на севере Черноморья, впадает широко разработанным устьем в Ейский залив Азовского моря. Левым, или внутренним, своим берегом принимает она многие притоки, из которых более замечательны по своему протяжению Сасык и Кутуея.

Ясени берется у куреня Староминского и исчезает в ясенских соляных озерах. Накатом своих вод она вредит иногда садке соли на поверхности тех озер.

Албаши берется на одной высоте с Ясениями; *Чолбасы*, принимающая в себя множество притоков, достает своей вершиной до станицы Темижбекской Кавказского войска. Обе эти речки, не дойдя до моря, как будто встретили ряд ископанных в степи ям и, наполнив их своими скудными водами, одна с одной, другая с другой стороны, образовали цепь лиманов, в числе пяти. Из них более значительны по величине Чолбасский и Куцеватый. От последнего отделяется слабая нить болотной воды, прикрепляющая всю цепь к Бейсужскому заливу Азовского моря.

Три *Бейсуга*, Великий, Средний и Малый, выходят из Земли Кавказского войска; не доходя моря, сливаются в Лебяжем лимане и уходят оттуда одним общим руслом в Бейсужский залив. Эти три Бейсуга, с многочисленными их ветвями, преимущественно отличаются болотистым свойством своих русл и вод.

Лебяжий лиман, наполняемый водами Бейсугов и имеющий вид лебедя, круто выгнувшего шею, описывает своими искривлениями два небольших полуострова, на которых находится Николаевская пустынь.

Керпили и впадающие в них *Кочети* также вытекают из Земли Кавказского войска, излучисто пробегают лучшую местность степи и, в некотором расстоянии от моря, наполняют лиман Керпильский. Болотистая, покрытая дремучим камышом полоса связывает этот лиман с Ахтарским заливом Азовского моря. Воды Керпилей довольно свежи, и вид их живописен. Прекрасна здесь весна, отраден летний вечер. Это цветная лента на угрюмом челе степи. Высокие берега реки усеяны курганами, выше которых нет по другим речкам. Курганы зеленеют, как купы палым в пустыне, а вокруг них разостланы ковры из воронцу и горицвету. На их ост-

роконечную вершину любит взъезжать удалой табунщик. Отсюда ему видно, как вдалеке с разбросанными по ветру гривами несутся к водопою вольные табунные кони. Отсюда же видны и синие Кавказские горы. Много старшин, служивших там боевую службу Государеву, окончили свои усталые дни на приветливых берегах Керпилей. *И холмы радостию препояшутся:* и на холмах этих же берегов опочила благодать Божья. Здесь, сквозь степную сизую мглу, дымится молитвенное кадило Мариинской пустыни. Наконец, *Понура* берется близ куреня Динского и, чрез пятьдесят верст протяжения, у куреня Поповичевского, поглощается лиманом, расплывшимся на несколько рукавов и совершенно утратившим связь с приморскими водами.

Нельзя не обратить здесь внимания на одну особенность, именно, что пересмотренные нами речки, в известном расстоянии от моря, сходятся к отдельно лежащим котловинам и наводняют их, как будто трубы, приведенные к прудам, – и что каждая из этих котловин, или прудов, к стороне морского берега, имеет кран, которым избыток набираемой воды стекает в море.

И вот мы уже приблизились к южной и главной реке – Кубани. «Вот, вот она, вот русская граница!»

Кубань, по-черкесски Пшиз, «князь рек», в древности Варданус и Гипанис, берет свое начало от подблочных снегов Эльбруса. (У черкес «Осшумаф», холм счастья.) Служа чертой правому крылу Кавказской линии, она двумя третями своего течения орошает Землю Кавказских казаков с прилегающим к ней нагорьем, и только одной низовой третью, на протяжении 250 верст, омывает южную окраину Черноморья. Приняв в своем верховом и среднем течении большие притоки: Малый Зеленчук, Большой Зеленчук, Уруп и, наконец, Лабу, она приходит к Черноморцам рекой значительной, имеющей ширины, в средних берегах, шестьдесят саженей. По продолжению Черноморья, падают в нее с нагорной же стороны: Белая, по-черкесски Шевгаше, почти равняющаяся Лабе своим двухсотверстным протяжением, – далее Пшиш, Псекупс, Афипис, или Яриок, Адакум и другие мелкие притоки. Эти последние, скатившись на плоскость, теряют свои берега и расплываются озерами и болотами. Приняв такую массу горных вод, Кубань относит их в моря Черное и Азовское, в первое главным течением, а в последнее рукавом, называемым Протока, или Кумли-Кубань (песчаная Кубань).

Протока, имеющая вид и направление искусственного канала, ответвляется от Кубани у поста Старый Копыл, за 130 верст до впадения главного течения в Черное море. Сделав крутой поворот от главного течения вправо, на север, она отрезывает степное Черноморье от Таманского острова и имеет протяжения от своей копыльской вершины до впадения в Азовское море около ста верст. В этот рукав Кубань сбывает почти половину своих вод. Но этого не довольно: от правого берега ее, на значительных один от другого расстояниях, отделяются еще второстепенные каналы – «ерики», также направляющиеся к Азовскому морю, которое как будто оспаривает кубанские воды у Черного моря. Ерики *Казачий* и *Энгелик* ответвляются выше, *Калаус* и *Куркой* — ниже Протоки. Вершины их засорены и набирают воду из Кубани только во время весеннего ее разлития. Из них ни один не достигает главного азовского бассейна, как Протока, но все поглощаются передовыми его лиманами. Лиманы эти бесчисленны и разбросаны в самом разнообразном беспорядке, будто валы, выкатившиеся из моря и в него не возвратившиеся. Ближайшие к морю имеют связь с ним, дальнейшие наполняются боковыми отраслями Протоки, которой заимствованные воды дробятся и видоизменяются до бесконечности. Это жила, отворенная в бесчисленных местах. Из лиманов протоцкой путаницы более замечательны, по своей обширности и глубине, *Чебургольский* и *Красногольский*.

На перерезанном Протокой, низменном поперечнике между Кубанью и Азовским морем, где ныне раскинулось одно задвинутое камышами и не обнимаемое глазом болото, с частыми оазами открытой воды и сухой земли, кипел когда-то огромный гидравлический труд. Задачей его могло быть исполинское усилие оттянуть излишек вод Кубани к азовскому бассейну, чтоб обеспечить прилегающие к Кубани с обеих сторон удоли от наводнений. По преданию,

над этой водной сетью работали тысячи пленников, уводимых крымцами из погромов Руси и Польши. Работа с плачем и проклятием не пошла впрок: где падали слезы невольников, там все взялось тиной и плесенью. В настоящее время не только восстановление развалин этой сложной канализации, но даже отыскание в них системы и смысла стоило бы нелегких трудов. Набрались беды «ланцюжники» (землемеры), пока перетянули чрез этот хаос свою цепь.

Немного выше того места, где Протока отложила от Кубани, а именно у поста Славянского, Кубань разорвалась на два параллельные течения и, слившись вновь, верстах в шестидесяти ниже точки своего разъединения, образовала продолговатый и низменный *Каракубанский остров*, имеющий в поперечнике он трех до семи верст пространства. Течение по левую, то есть внешнюю, обращенную к горам, сторону острова, составляет реку *Кара-Кубань* (побочная Кубань), которая гораздо шире и глубже, чем течение по правую сторону, почти уже пересохшее, но все еще удерживающее за собой название «старой Кубани».

Между холмами Таманского острова Кубань образовала из своих разливов четыре обширные и живописные вместилища вод. Это лиманы: Ахданизовский, Кизилташский, Цокуров и Бугазский. Первый больше других и лежит отдельно, а три последние сцеплены гирлами³. Лиман Ахданизовский очень глубок. Это должен быть провал вулканического происхождения, залитый водами Кубани. На западном берегу его возвышается конусообразная гора с отверстием на вершине. Когда лиман волнуется, из отверстия горы выскакивает жидкий пепловидный ил, – как будто внутри горы работает помпа. Не ясно ли обнаруживается здесь присутствие вулкана, погашенного вторжением вод?

Поверхность Ахданизовского лимана в спокойном состоянии белеет и блестит, как полотно, – от чего и получил этот лиман настоящее свое наименование: ахданиз значит «белое море». Он имел когда-то два широких судоходных сообщения с Азовским морем: одно близь куреня Темрюцкого, а другое – Ахданизовского. Теперь от этих засоренных проливов остаются лишь узкие гирла, которыми воды лимана втекают в море.

Созвездие лиманов Кизилташского, Цокурова и Бугазского составляет последнее низовое течение Кубани, расплывавшееся от вулканических потрясений окрестной местности. Из крайнего лимана Бугазского вытянулось гирло Бугазское – последняя дверь, которой «князь рек» входит в чертог Черного моря.

Кубань протекает вдоль известного протяжения Кавказского хребта желобом, куда скатываются с северного склона хребта горные реки и ручьи...

Со ребр его текут вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки.

От бокового напора перпендикулярных притоков ее хватают судороги, она излучивает и ломает свое течение. Здесь она вздулась и залила прибрежный удол; там переমেжилась и обнажила свое перебуравленное ложе – полосу подвижных илисто-песчаных горбин и впадин; здесь подгрызла и поглотила целый утес, а там произвела на свет островок, который быстро разрастается в остров и покрывается лесной и камышовой растительностью. Не удерживая в равновесии несомых ею вод, она то и дело меняет свою колею, имея одинаковое, закону отражения подчиненное, уклонение от правого берега к левому, от степей к горам. И за сколько верст уже она оставила гребень древнего своего правого берега! Эта непостоянная горная река влечет с собой две главнейшие невыгоды для края: она не допускает к своим вольным, изменчивым водам судоходства и производит своими беспорядочными разливами топи и болота, которые, затрудняя во многих местах сухопутные сообщения, отравляют воздух вредными испарени-

³ Лиманом называется озеро, имеющее связь с другими озерами или с морем. Узкий и короткий пролив, посредством которого лиман с лиманом или с морем связывается, называется гирло, то есть горло, gorge.

ями и наполняют его неприятными насекомыми: комаром и мошкой. Эти окрыленные иглы, возбуждая особенную деятельность кожи, колют вам в уши самыми утонченными звуками. А лекарство против них хуже самой болезни: это дым тлеющей навозной кучи.

Проводив Кубань до моря, мы теперь последуем по излучистым берегам морских вод, омывающих Черноморье извне. Вот, на соединении Черного моря с Азовским, видим мы Таманский залив. Это бухта, глубоко вдавшаяся в Таманский остров из Керченского пролива. При входе в нее сидит курень Таманский как филин на развалинах. Здесь, полагают, существовала древняя знаменитая Фанагория – *locus ubi Troja fuit*. По ту сторону пролива видны Керчь и Еникале.

Отсюда по юго-восточному берегу Азовского моря, в направлении к устьям Дона, встречается сперва залив Темрюцкий (или Курчанский). При впадении сюда одного из двух вышеупомянутых гирл Ахданизовского лимана помещается курень Темрюцкий. Положение этой селитьбы очень выгодно в отношении к рыбацкому промыслу и водяным сообщениям. Здесь кратчайший водный путь из Азовского моря в Кубань. Близлежащие старые городища и засоренные пристани свидетельствуют о важности, какую имела эта местность в старые времена.

– Далее на значительных друг от друга расстояниях лежат глубоко врывшиеся в материк заливы Ахтарский и Бейсужский – бассейны большей части степных речек, как видели мы выше. Еще далее – коса Камышеватка, с поселенным над ней куренем под тем же наименованием. Потом, на изломе Азовского берега от запада к востоку, вытянулась далеко в море коса Долгая. Значительное протяжение ее открыто, но еще большее скрыто под водой, – и здесь таятся самые опасные мели для судов, идущих из Керчи в Таганрог. Наконец, коса Ейская, недавно получившая известность поселением над ней портового города Ейска. За ней последний залив Ейский, куда впадает Ея.

Пройденные нами заливы и косы представляют большие или меньшие удобства для рыбных ловель и для пристанища морских судов. Отлогое и болотистое поморье между заливами Темрюцким и Бейсужским, на протяжении полутора верст, испещрено множеством мелких лиманов, цепляющихся один за другой, имеющих очертание поваленных узкогорлых кувшинов и представляющих величайшие уголья для рыбацкого промысла. Часть этого водного хаоса мы уже видели выше, при взгляде на отторжение вод Кубани к азовскому бассейну.

Не столько степь, обнаженная, скудная водой и средствами для оседлого обитания, сколько эти необозримые рыбопромышленные уголья, тянули первобытных черноморских казаков с Днепра на Кубань. Казакам искони родственнее было рыболовство, чем земледелие; по их военному быту сподручнее им было бороздить веслом мутную волну, чем сохой степную, часто неблагодарную и всегда прихотливую почву. Для земледелия требуется постоянное нахождение у своей десятины, строго рассчитанный труд и изучение многих вещей, яже на небеси, горе, и на земли, низу; а для рыболовства – ставка на кон, смелость, сноровка, удар. Вот почему запорожские казаки, дальше всех других выдвинутые к противникам, могли ладить лучше с последним, чем с первым занятием, и вот почему они славили в своих песнях степь, как арену подвигов, а лиманы, как источники пропитания и снаряжения.

Дніпровый, дністровый,
Обидва лимани:
В них добувалися,
Справляли жупани...

Промежду рыболовных лиманов находятся солеродные озера: *Ясенские*, – их несколько вместе, – близ Бейсужского залива; *Ахтарские*, – их тоже несколько вместе, – и *Ачуевское*, близ Ахтарского залива; *Бугазское*, близ Бугазского гирла; *Меркитантское* и *Тузловское* – первое над Таманским заливом, а последнее при выходе Керченского пролива из Черного моря.

Принадлежащее к ясенской группе озеро Ханское имеет в окружности до пятидесяти верст⁴. Тузовское озеро, прилегающее к Черному морю, дает высшего качества соль. Вообще озера, лежащие по черте вод Черного моря, производят соль более чистую и сильную, нежели те, которые примыкают к Азовскому морю. Соль этих последних содержит в себе растительные части и другие примеси, – а это оттого, конечно, что морская вода мелкого азовского бассейна, у древних носившего обидное название болота (*palus meotis*), разведена, у здешних берегов, наполовину, если даже не больше, пресными водами. Не все вдруг озера и не всякое лето дают соль. Некоторые даже засоряются, заплывают илом и вовсе теряют солепроизводительную силу. Бугазское озеро, лежащее в глубокой котловине и еще недавно занимавшее первое место в списке соляных озер, как по обилию, так и по превосходному качеству своих садов, почти уже перестало родить соль. Такая в нем перемена, как полагают, произошла от того, что внутренние бока озерной котловины допущено было вспахать: легко смытая взрыхленную землю, дожди нанесли ее на озеро, и озеро заглохло. Соль садится в июле и августе, при действии сильных жаров и при отсутствии дождей. Дождь, благодетель и союзник нивы, – враг соляного озера. Обыкновенная садка, то есть кристалловидная кора, которой подергивается озеро, бывает в четверть вершка толщиной.

Во времена татарщины эти соляные озера принадлежали казне крымских ханов и были прикрыты большими редутами, высокие валы и широкие рвы которых остаются нетронутыми донныне. В стенах редутов помещались склады соли и ясыр (плен), работавший на озерах. Здесь же находились гарнизоны, оберегавшие озера от хищнических наездов черкес, которые живились солью прямо с озер, когда татары возвышали на нее цену в продажных складах.

В соседстве с соляными озерами и в отдалении от них встречаются разные солончаки, а также мелкие лужи и ручьи, которые, пересыхая в летние жары, оставляют на своих ложах белый как снег порошок, по надлежащем очищении дающий сернокислую соду. В некоторых местах эта соль попадает большими ноздреватыми глыбами. У берегов Еи, в окрестностях куреня Конелевского, собирают на высыхающих озерцах беловатый ил, который, в пережженном состоянии, идет, вместо мела, на побелку хат. Эта масса оказывается, по испытании, пережженной магнезией, соединенной с известью и другими, однородными с ней, землями.

Осаживающийся на дне Тузовского соляного озера ил, рыхлый и пушистый, как сажа, содержит в себе целительные минеральные части, подобно Сакским грязям в Крыму. Один внутренне-служащий казак, много лет страдавший ломотой в берцовых костях и колючим ревматизмом в подошвах ног, был в наряде для выноски соли из озера. В течение недели, что он открытыми ногами бродил по озеру, болезнь его совершенно прошла.

Из самого беглого обзора малых и больших вод Черноморья легко получить убеждение, что как те, так и другие одинаково осели и сократились. Независимо от причин более общих, явление это может быть объяснено совершенным истреблением лесов в крае, рыхлостью и сыпучестью стен водоприемниц и накоплением наносов в речных и озерных устьях. Берега Кубани и прочих речек, лиманов и гирл, равно как и берега Азовского моря, повсеместно песчано-глинисты, изредка содержат в себе ползучий щебень и нигде не скреплены скалами. Оттого они вечно обваливаются и засоряют водоемы. Азовское море обрезают войсковую землю от севера; Кубань гложет черкесский берег и натачивает войсковую землю на юге, – а черноморцы подвигаются все ближе к Кавказу... От засорения устьев органическая связь рек и гирл с бассейнами ослабляется и жизненный их пульс цепенеет.

Вода в степных речках, или мокрых балках, – что ближе к действительности, – задерживается с весны бесчисленными греблями (гатыми), похожими по внутреннему составу и наружной отделке на ласточкины гнезда. Эти незатейливые водовместилища заплывают илом, испаряются и превращаются в болота среди лета. К ним ко всем может быть приложено одно из

⁴ Под всеми соляными озерами находится 15 440 1/4, а под рыболовными водами 210 743 2/5 десятин земли.

вышепоказанных названий: Чолбасы, что значит по-русски «ковш воды»⁵. К этой татарской насмешке над маловодьем мокрых балок черноморцы прибавили еще свою:

Питався шляху, йшовши, лин,
Де, братця, Келембетів млин;
Там не гуде, не буркотит:
Мені там добре буде жить.

Степные воды, насильственно задерживаемые и лениво перепадаящие с колеса одной мельницы на колесо другой, большей частью солощавы и горьковаты от содержащихся в них солено-кислого и сернокислого натра и магнезии. Редко бывает лучше и подземная вода, получаемая из копаней и колодезей, которыми избуравлена всякая населенная местность, начиная от главного в крае города до последнего хутора.

Мокрые балки могли быть в старые времена каналами с живым течением. Этими каналами, как мы видели выше, вода набегала в котловины, а котловины были бассейны, в которых задерживались запасы пресной воды по всей приморской полосе. Нельзя думать, чтоб эти водохранилища были и прежде так тощи, как теперь, потому что стоки, которыми выходил избыток воды в морские заливы, оставили по себе большие русла с широко разработанными устьями. Здесь теперь пасутся стада и табуны. Весной, однако ж, эти заимствованные пастбища понимаются ненадолго водой, – и тогда столько находит сюда из морских заливов судака и тарани, что один нарочный, скакавший с нужными бумагами, при переезде чрез подобное наводненное пространство, был опрокинут вместе с конем быстро двигавшимися колоннами рыб. Вот единственные в своем роде пространства, где попеременно разгуливают вол и судак, овца и тарань; где рыбак упирает свое длинное весло с челна и чумака спускает с воза наконецник своего длинного батога.

Рассказ второй Курганы и балки

Странное сравнение родится в воображении при общем виде степи, с ее частыми продольными бороздами – балками. Это широкий лист, разлинеенный для музыки. И по этим линейкам действительно пестреют головки нот – курганы. Когда-то, Бог знает когда, звучала по ним игра труда и жизни человека. Курганы тянутся стройными вереницами по берегам балок, по всему протяжению берегов и все в мерном от них расстоянии. Это неразлучные спутники каждого углубления в гладкой степной поверхности. Где курганы, там и балки, или котловины, с водой, или без воды; где нет курганов, там чистая, сухая гладь. Замечательна еще одна особенность: где курганы редки, там они малы, а балки мелки; а где посажены густо, там и величина их значительнее, и балки глубже. На Таманском острове они не вытянуты в струну, как по степным равнинам, – да там вовсе нет и балок: там встречаются впадины других очерков. Около этих впадин курганы сбиты в кучу – и здесь они являются в самых больших размерах.

Курганы много оживляют степь. На них отдыхает взор, освежается внимание. Они шевелят эти сонные балки и вместе с ними бегут. Без них пришлось бы встосковаться от недостатка впечатлений в этой беспредельной, бесцветной и неподвижной пустоте.

Что ж они, эти бедные пирамидки степи, гвоздевые головки, в сравнении с колоссами равнин египетских? Не подают ли они руку с берегов степных ручьев на берега Нила, чрез про-

⁵ Еще не простыл след монгольского обитания на Земле Черноморских казаков: за большей частью вод и урочищ остаются старинные татарские названия. Например: Ея, правильно Яйя, Иван; Сасык, вонючий; Албаши, красная голова; Бейсу, беева, или, может быть, главная река; Керпили, мостовая; Кизилташ, красный камень; Бугаз, горло; Темрюк, собственное имя; Калаус, проводник.

странства морей и тысячелетий? Ведь и с них смотрит, конечно, сорок веков, ведь и они тягют землю в качестве таких же бесплодных и безответных сооружений, как пирамиды фараонов... Но нет, мы не пойдем в страну Мемфиса и Фив, не пойдем так далеко и на такой ученой почве искать разгадки такой скромной загадки, как наши курганы. Поищем ее дома, на месте. Остановим внимание на этом тесном сочетании курганов с балками. Да, из этого сочетания углублений и выпуклостей родится предположение, – если хотите, очень смелое, но, кажется, близкое к здравому смыслу, – предположение, что балки и котловины, к которым они направлены, вырыты, а курганы насыпаны.

«Это что за новая, антиклассическая мысль такая? Коликократно...»

Позвольте, позвольте. Что курганы не вышли из рук Творца вселенной, это не требует доказательств. Еще менее они могли быть набросаны кротами или волнами всемирного потопа: они расположены с расчетом, по мерке и по линейке. Стало быть, это труд человека, труд разумный, долженствовавший окупаться положительной выгодой и пользой. Но тут, конечно, вопрос: что именно было целью этого труда – вырытие ли балок или насыпка курганов? Разумеется и то, и другое вместе. Иначе не было бы этой гармонии между тем и другим. Балки вырывались для ускорения осушки низменных равнин и для усиления слабого естественного орошения пастбищных лугов, а курганы насыпались для жилищ, или, лучше сказать, для крепких убежищ троглодитам.

«Вот в какую даль вы на своем казацком скакуне махнули! И без дороги, *audacissime!* Но не желаете ли обратить внимание на то, что между шириной и глубиной балок и объемом соответствующих им курганов нет пропорции? *Non est modus*».

Так, действительно так. Да и не должно быть иначе. В первоначальном виде балки были легкие каналы. Человек понял мановение природы и помог ей; действием вод каналы углубились и расширились. Курганы же, напротив, от времени, – виноват, под тяжкой пятой веков, осели и сократились.

«Однако, *attamen*, обретаемые в курганах предметы доказывают, что это были не жилища живых людей, а места вечного покоя умерших, – и на аргументах, из самых недр сих холмов извлеченных, утвердилось общее достопочтенное мнение, что курганы возводились над прахом героев, аки надгробные памятники, *tumuli*...»

Слушаю и присовокупляю: в недрах курганов находятся также клады, по курганам направляются степные наездники, на курганы выставляется сторожа, но из этого еще не следует, чтоб курганы были сооружены, как кладовые, как указатели дорог, как подмости для наблюдательных постов. Все это значения вторичные, третичные, товар из третьих и четвертых рук. Обширный народный труд ископания балок и возведения курганов должен быть отнесен ко времени первоначального заселения этой местности людьми. Должны были поднять этот труд первые поселенцы, потому что им не посчастливилось найти на своем новоселье готовых пещер и готовых рек. Рыли же люди тех времен Меридово озеро и возводили висячие сады Семирамидины. А здесь было гораздо легче и проще. Ручеек и водоскат служили ватерпасом. Одна работа давала материал для другой. Прошли, конечно, века. На последнем кургане человек начертил первый брульон башни, и явился город. Тогда-то первобытные убежища, земляные шатры и вместе крепкие замки людей – курганы перешли от живых к покойникам. Поколения за поколениями входили и истлевали в них; тесноты не было. Любовь, уважение и суеверие хоронили в них, вместе с покойниками, золото и другие драгоценности, уцелевшие до ближайших к нам времен и явившиеся на свет доказательствами гробового значения курганов. И потом, когда курганы вошли в обычай в качестве хранилищ праха предков, нет ничего мудреного, что в подражание первобытным холмам насыпались над прахом героев и новые, прямо уже как надгробные памятники. Но эти вторичные, подражательные курганы не могли составить такой стройной, осмысленной системы, в какой являются спутники балок Черноморья.

Итак, *itaque*, эти улицы курганов на балках Черноморья (на другие местности не смеем распространять наше торжественное *itaque*) были сперва колыбелью, а по времени сделались могилой смертных. Сколько в мире вещей и дел, испытавших подобные обороты! И в настоящее время, если встречаются курганы близ куреня и хутора, они бывают увенчаны надгробными крестами. Прах Тарасенка смешивается с прахом Набудонабоназара. И нередко с верхнего конца нового деревянного креста развевается белый плат. Это знак, что в кургане затворился на вечный покой казак военнослуживый. Скоро ветер оторвет белый плат и унесет в степь. Выйдет на курган казачка и, без мысли про покойника, будет грызть подсолнушки да выглядывать, не идет ли с поля ее овечка. А потом, при угрожающем набеге черкес, старый скупец там же схоронит свой кувшин с серебром. Найдут его чрез сорок веков, напишут сорок диссертаций, и стрелы гипотез будут лететь на тысячу лет в сторону от мишени.

Любопытство, алчность и религиозная нетерпимость поколений, прежде живших, почти уже ничего не оставили внутри курганов на память, или лучше сказать – в поживу нынешнему населению. На Таманском острове предпринимаются, однако ж, и не без успеха, археографические раскопки курганов, наиболее кажущихся нетронутыми. Вид и положение находимых в них предметов показывают, что это лишь остатки, проскользнувшие сквозь пальцы давнишних нарушителей безопасности последнего убежища человека. Эти остатки могли задержаться в могильных холмах от поспешной, или неискусной разрывки их. Опустошение могил могло совершаться не открыто, а тайно, как действие, возмущающее человеческое сердце, или как такое действие, которое человек любит совершать без товарищей и свидетелей, чтобы избежать чрез то неприятности делиться находкой. Внутри одного кургана найдены были два скелета с остатками заступов. Положение скелетов и присутствие при них заступов показывали ясно, что это были обкрадыватели мертвецов, что, подкопавшись украдкой под курган, они погребены были живьем случившимся завалом штольни. Наконец, и то еще можно заметить, что на многие вещи, находимые в последнем упокоении человека, прежние курганокопатели смотрели не лучше, как басенный петух на жемчужное зерно. Так, в некоторых курганах найдены были удивительной работы глиняные сосуды (по большей части греческие *lacrutaria*), разбитые в черепки. Разбила их обманутая алчность вандализма.

Ограбление курганов могло быть совершено или аравитянами VIII века, утверждавшими новую веру на развалинах алтарей и всего, что находилось в каком-либо соотношении с ними, или монголами XIII века, основывавшими свое господство на развалинах современной цивилизации и всего, что только служило ей каким-либо выражением. Верно, по крайней мере, то, что совершено оно давным-давно: ибо курганы, после первого разрытия, успели к нынешнему времени закрыть свои раны и вновь принять свою первобытную коническую форму.

Нельзя, кажется, ожидать этого после поисков нынешних искателей древностей. Эти минеры археологии, раздирая могильные холмы от маковки до подошвы, не берут на себя заботы возвращать им, по возможности, прежний вид. Жаль, что заступ науки искажает этак самую характеристическую черту Черноморского края. Трудно выразить тягостное впечатление, какое производит на проезжего отталкивающий вид этих возмущенных и перебуравленных кладбищ, этих тысячелетних могил, выставляющих свою внутренность, разглашающих свою заветную тайну.

Рассказ третий

Почва. – Естественные произведения

Исключая Таманский остров, Земля Черноморских казаков состоит из сплошного чернозема с глинистой подпочвой. Нигде ни песков, ни камня, ни других минералов. В южной полосе, где почва освежается живыми течениями Кубани и ее отраслей, слой чернозема глубже и жирнее, а в северной, напротив, мельче и черствее. Здесь, по маловодью и, может быть, по

соседству соляных озер, лежащих на одном уровне с землей, почва проникнута солями и щелочами, сообщающими ей тягучесть и вялость. В южной полосе все растет скорее и в больших размерах, чем в северной. Зато в этой последней, у берегов Азовского моря и р. Еи, земле дана особенная способность производить пшеницу «арновку», известную в торговле под именем твердого хлеба (*ble dur*) и, преимущественно пред другими сортами, выдерживающую дальние перевозки чрез моря.

В земледельческом отношении весь Черноморский край имеет ту невыгоду, что он слишком открыт для северо-восточных ветров, летом палящих, зимой пронзительно холодных, вымораживающих посевы и насаждения. А потому подобную местность не должно разбирать и оценивать по одному составу и качеству почвы, вне соотношений ее с воздухом. Что щедро производит и матерински живит земля, то неожиданно убивает воздух. И тогда выходит, что «земля есть поядуща живуция на ней».

На Таманском острове – чернозем серый, легкий и как бы очищенный. Здешняя почва несравненно нежнее грубой, хотя и сильной, почвы степного пространства; не спекается летом, не смерзается зимой до твердости камня, как наземная кора степи. Она растворена песком и согрета глубоко кроющейся в ее недрах горной нефтью. Снег на ней никогда не лежит долго. Как все вулканические почвы, Таманская земля очень плодородна, и плодородие ее постоянное, надежнее, чем плодородие лимфатической почвы «на речках», как называется у казаков степное Черноморье. Там хлеботородная сила земли – что соломенный огонь: даст обильный плод год-другой, а там и испарится на продолжительное время, – и отошавшая нива гонит один бурьян. Таманская пшеница отличается желтым, янтарным цветом и способностью сохраняться долго в амбарах и путешествовать далеко на кораблях. Таманские арбузы пользуются известностью даже в Крыму.

При обильных дождях с весны и под влиянием западных и южных ветров в продолжение лета Земля Черноморских казаков производит с успехом все роды хлебов, овощей, масляных и прядильных растений, свойственных южной полосе России. Исчисление их было бы бесполезно. Урожай хлебов бывает – «на речках», до сам-тринадцати, а на Таманском острове, до сам-двадцати.

Но, будучи скорее лугом, чем пахотной полосой, Черноморье отличается силой и разнообразием своей флоры. На пространстве нескольких десятин вы можете встретить из луговых трав: разную дятлину или орешек, разного рода горошек и другие стручковые, разных видов колосистые травы, ковыль, ароматную сывороточную траву, козлятник, кровохлебку (*sanguisorba officinalis*), цикорию, ярутку, куколь, полевой шалфей, посконник, василисник, незабудку.

Желтоцветущий «бурунчук», то есть желтая дятлина, *trifolium campestre*, служит вестником созревания травы для покоса. Лишь показал он цвет, казак отбивает косу, набирает воду в бочонок и собирается на покос. Это бывает обыкновенно за две недели до Петрова дня. Пушистый и белый, как пена, ковыль покрывает большие пространства степи по рекам Бейсугам и Чолбасам. Это растение служит отличительным признаком земли девственной. Прасолы дают ему таинственное, покровительствующее их занятию значение и украшают им свои кибитки и становища.

Из растений, употребляемых в мануфактуре, медицине и на кухне, находятся: вайда, ворсянка, марена, кермек, солодковый корень, бузина, ромашка, сурепка, кунжут, горчица, спаржа, дикий чеснок и хрен. Последним особенно изобилует Таманский остров. Здесь корень хрена бывает такой толщины и уходит на такую глубину в недра земли, как якорный канат, брошенный в морскую пучину.

Сокровища дубильного вещества, кермека кроются преимущественно в прикубанской полосе.

По сочно-черноземному пространству всей южной полосы встречаются терновники и других пород кустарники. Это слабая тень давно истребленных лесов и вместе указание на способность почвы к произращению новых. За лесоводством пошло бы успешно и садоводство. Чтоб воспитывать виноградную лозу, надобно прежде иметь под рукой тычину. Виноградная лоза, ореховое дерево, персиковое дерево, черешня, шелковичное дерево и другие в этом роде растут с полным успехом. Нужен только заботливый уход за ними, пока они в младенчестве, надобно пеленать и кутать их на зиму, чтоб северо-восточные ветры не выморозили их корни, а зайцы не обгрызли их коры. Слабые опыты садоводства встречаются повсеместно. Лесоводство покамест ограничивается насаждением одних скорорастущих и не долговечных пород: тополи, вербы, ольхи и акации, которые осеняют заборы дворов, рубежи хуторских «левад» (дач), берега речек и окраины плотин, скрепляя рыхлый состав этих последних.

В нескольких местах по Кубани сбережены остатки лесов и кустарников; они взяты в войсковое ведомство. Под ними 11 562 десят. земли. Господствующие в них породы: дуб, ясень и берест, или вяз. Около старых городищ, по правому берегу Кубани, попадаются кое-где остатки виноградников, в одичалом состоянии, – печальные следы существований, нынешним жильцам неведомых. Народы оставляют память по себе не в одних развалинах гордых сооружений, но и в скромных былинках царства растительного. На Таманском острове плуг казака проходит по бороздам, когда-то напаявшим виноградники. От этой благородной земли, подававшей на пиры греков чашу вдохновения, теперь требуют только куска насущного хлеба.

Когда-то Сицилия на Фракийских водах Понта Эвксинского, Таманский остров резко оттеняется от унылых степных равнин не только живописным видом своих холмов и вод, но и минеральным содержанием почвы. Господствующими в ней породами представляются глины и пески. Первые встречаются в соединении с илом, известью и слюдой и бывают желтого, красного, бурого и сине-черного цветов. Пески большей частью являются с окислом железа, иногда спекшиеся в твердые массы, без видимого цемента, цветов преимущественно желтых, искрасна-бурых и чисто белых, блестящих. Между песками и глинами залегают второстепенными породами: известняк, песчаник, гипсовый шпат, алебастр, селенит, серный и железный колчедан и бурый железняк (водянистое, окисленное железо). Выше Таманского куреня, по направлению к мысу «Лысая гора», могут добываться известняк, совершенно годный для построек, и чугунная руда. Над Ахданизовским лиманом, в недрах мыса «Дубовый рынок», и в холмистых окрестностях Бугазского гирла подозревается существование каменного угля.

Вершины высот около Ахданиза дышат сопками, извергающими тонкий, пепелистый ил и соленую воду, с серно-водородным газом. Из сомкнувшихся кратеров потухших вулканов, по-казацки «горелых могил», около Фанагории, бывают по временам огненные извержения, которым предшествуют оглушительные, потрясающие окрестность взрывы. Тогда бедные жители не знают от страха, куда деваться. Но пробуждение вулканов не бывает продолжительно. Чрез несколько минут они снова погружаются в свой вековой сон, и все вокруг них приходит в обычный порядок. Спят вулканы, изредка возмущают их глубокий сон беспокойные грезы, – и кто из мудрецов истолкует нам значение их снов!

В окрестностях куреней Вышестеблиевского и Старотитаровского, также в урочище «Чижиновом пекле» и в северо-западном углу острова, на берегу Азовского моря, находятся источники нефти, черной и белой (горное масло, *petrole*), которая добывается в первых трех местах из колодцев, со вставленными в них плетневыми втулками, а в последнем – из песка, посредством разноса морского берега, имеющего здесь отвесной высоты более 25 саженей. Под этой высотой, ниже разных песков, глин, щебня и мелких раковин, залегают пласт песка серого, пресыщенного нефтью до состояния теста. Ширина флеча тринадцать, длина восемьдесят саженей. Это самый обширный прииск, занимающий до ста работников. Вообще же годовая добыча нефти, во всех показанных месторождениях ее, может простираться от 1000 до

3000 ведер, на сумму от 500 до 1500 руб. сер. Прииск скудный, едва окупающий труды и издержки операции.

Пред приходом казаков на Таманский остров нефтяные источники были заколочены и засыпаны прежними обитателями этой местности. Спустя уже тридцать почти лет были они вновь открыты.

В вековых болотах, прикубанских и приморских, лежат целые пространства торфа, на который не обращено еще никакого внимания, то есть на который не пришла еще нужда. Там же водятся пиявки, ловля которых давно уже вошла в область промышленности. Но о промышленности и ее предметах мы будем говорить в другом месте.

Рассказ четвертый

Климат. – Народное здоровье. Старые годы

По географическому положению (45° с. ш.) и слабому возвышению своему над морским уровнем Черноморье должно считаться теплым краем. Действительно здесь больше тепла, чем холода, больше солнца, чем облаков. Но вследствие своей гладкой поверхности и открытого положения на север, этот южный край в частую испытывает холода северной зимы. Соседство же двух морей и Кавказских гор делает климат его изменчивым и непостоянным в высшей степени. Одно время года впадает в другое, переходы от тепла к стуже, от ливня к засухе, от мертвой тишины к буре совершаются мгновенно, – и если где, то особенно здесь не следует хвалить день прежде вечера. Народ со всей точностью определил свой климат в поговорке: «до Святого Духа не кидайсь кожуха, а по Святом Дусі, у тому ж кожусі». Это значит: ни в какое время года не будь доверчив к климату.

Иногда гром прогремит в декабре, а на другой день ударит трескучий мороз. Иногда в январе стоит сухая и ясная погода, в феврале идут дожди, а в марте падает снег и свирепствует вьюга, и запоздалая стужа пришибает молодую, слишком рано вызванную из доверчивой почвы зелень в полях и почки в садах.

Виноградная лоза на зиму закрывается. По замечаниям, она боится холода только в марте, когда соки ее начинают приходить в движение. Из этого видно, что она могла бы зимовать на открытом воздухе, под одной естественной защитой своей коры, если б зима не переходила за указанную ей в календаре черту. А как это случается слишком часто, то весна бывает бурная, сырая и холодная. Потом вдруг наступают жары. В мае они доходят уже до 27 °С, а среди лета до 50 °С на солнце. В летнее время сильные грозы и град – явление самое обыкновенное. Летом от продолжительного зноя, зимой от бесснежной стужи земля спекается и рассекается широкими трещинами. Самое приятное время года под небом Черноморья – осень. В сентябре и октябре бывает, по большей части, сухо, ясно, тепло и тихо. Лист на дереве держится долго. Солнце светит кротко и приветливо. *Esse phoebe dulcius lumen solet, jamjam cadentis...* Все, что им освещено, кажется приласканным, пьющим наслаждение из его лучей и дремлющим в неге. Тогда и сам не ищешь тени, а желаешь быть облитым с головы до ног этим сладостным светом. И слышишь тогда во всех звуках природы любящий голос: «Дети мои, еще малое время я с вами...» Тихо идет это прекрасное время, а уходит скоро. Наступает ноябрь, с его свинцовым небом, с его дождями и туманами, а там и Николин день, с морозом и инеем. Самые сильные морозы (до 28°) бывают около Рождества. В эту пору становится Кубань. Стужа приходит обыкновенно на голую землю, без снега. Взъерошенная и внезапно застывшая грязь представляет тогда из улиц, в местах населенных, и из дорог, в открытом поле, чудовищные терки, по которым ходьба или езда ни у кого не вырывает приятных восклицаний. Во всей силе слова бывают тогда *строптивые пути* на войсковой земле.

В продолжение зимы снег падает часто, но не лежит долго: или тает он от теплого солнца и сырого ветра с моря, или смывается дождями. Саням службы мало. Если зима несколько лет

сряду была слабая и короткая, как говорят здесь, «сиротская», то потом непременно явится лютая и продолжительная, как бы наверстывающая за один раз недоимки и упущения многих лет. И тогда-то бывает гибель на стада у оплошных хозяев.

Атмосфера и народное здоровье видимо подчинены влиянию ветров. Среди зимы и среди лета дует с напряжением, как бы подобранный на короткие поводы, северо-восточный ветер (у черкес «негхой»), провожатый всех невзгод для края: летом – засухи, зимой – резкого, глубоко проникающего холода.

Про него можно повторить здесь слова, сказанные под другим небом: «Из всех ветров, заключенных в мехах Эола, он самый злой, коварный и опасный. Как сила дурного глаза, губительно его влияние; как чаша испитой неблагодарности сдает грудь ядовитое дуновение его. Верный союзник смерти, он вздувает парус Харона и носит на крыльях своих болезнь и заразу. Только угрюмого могильщика радует мрачный пришлец из стран далеких и пустынных. И слышатся в вое его стоны и вопли несчастных страдальцев. Безотрадно несется он, несопутствуемый ни одним из сладких ароматов стран цветущих. Только печаль и уныние оставляет он на широком пути своем. Не защищают от него ни стены каменные, ни яркое пламя, ни одежда теплая...»

Северо-восточный ветер производит летом расслабление и отвращение от труда на воздухе, а зимою насыляет катары, колотья, ревматизмы. На смену ему поднимается с Черного моря юго-западный ветер, теплый, порывистый, сырой, брызжащий дождями. Под его влиянием возникают лихорадки, горячки, рожистые воспаления лица. Переход юго-западного ветра в северо-западный сопровождается внезапным градом или снегом.

В течение лета и зимы тихие дни редки. Ветры дуют почти исключительно угловые и весьма редко прямые. Последние поднимаются не иначе, как в скоротечных и потрясающих бурях. Ртуть в барометре не поднимается выше 30 дюймов и не опускается ниже 28 дюймов и 8 линий. Высокое стояние ртути бывает при действии северо-восточного, а низкое – юго-западного ветра.

Воздух, в составных своих частях, по сделанным испытаниям, не обнаруживает резких отклонений от обыкновенных пропорций; но нельзя не допустить в механико-химической его смеси присутствия посторонних частей, как весомых, так и неуловяемых орудиями науки. Присутствие водяных частей в воздухе обличается обыкновенной его сыростью. В кладовых господствуют затхлость, плесень, ржавчина. В закромах и погребах жизненные припасы подвергаются скорой порче, вина – окисанию. Дерево самое крепкое скоро согнивает в земле. Живые деревья в садах покрываются гусеницей, мхом, грибовидными наростами и язвами, истощающими их обильные соки, а в сердцевине поражаются чахоточной трухлостью. К этим явлениям присоединяются частые туманы и весьма обильные росы. Наконец последнее свидетельство о густоте воздуха является в летних маревах, или миражах, так здесь обыкновенных. Примесь водяных частей в воздухе происходит от близости гор, брызжащих водами, от смежности морей и болотистых пространств, которые постоянно бродят и испаряются, то нагреваясь после зимнего охлаждения, то остывая от глубоко проникнувшего их летнего жара. И притом глинистая подпочва степей не способна проводить далеко в глубину падающие на поверхность земли, в дождях и снегах, орошения.

Из болот, облегающих край с трех сторон и загроможденных сорными, разлагающимися на корне растениями, отделяются тлетворные вещества, производящие желчную лихорадку, на казачком языке «корчий», на черкесском «тхегхау». Эта тропическая на всем Подкавказье болезнь имеет здесь характер скорее эпидемический, чем спорадический. Она возникает по мере возвышения летних жаров и достигает своего апогея в августе. Тогда уцелевшие от лихорадки составляют содержание к испытавшим ее, как 2:10. Полевые труды, в поте чела, под знойным небом, при недостатке здоровой воды, распространяют и раздражают, а обильные сборы плодов и овощей, особенно дынь, питают болезнь в народе. Свежая рыба и раки степных

прудов, раки – любимое *roug la bonne bouche* казацкой вечери – также не благоприятствуют народному здоровью.

Эпидемическая холера, посетившая Кавказ в 1832, 1847 и 1848 годах, действовала на Черноморье не так сильно, как в местах, более здоровых. В курене Староджерелиевском, поселенном самым невыгодным образом для жизни, среди болот протоцкой полосы, и не имеющем среди лета годной для питья воды ближе, как верст за пять, холера вовсе не действовала. Не оттого ли, что жители пьют там воду не свежечерпнутую, а подержанную в посуде известное время, требующееся для ее перевозки?

От лихорадок страдают наиболее жители болотной прикубанской полосы и войска, занимающие кордонную линию. Там по роду своей службы казак и днем, и ночью подвергается влиянию открытого воздуха и держится в местах, выгодных в тактическом и невыгодных в гигиеническом отношении. В степной и приморской местности действия болезни не так сильны, а в возвышенной части Таманского острова почти незаметны.

Степь, поэтический удел казачьего житья-бытья, могла бы пользоваться лучшим воздухом, если б не была засорена множеством добровольно созданных луж, из которых летняя атмосфера черпает свои миазмы. Это запруды на балках, о которых было уже говорено выше. Скучные степные водоскопища от застоя и тепла подергиваются зеленой плесенью, задвигаются илом и производят камыш, – растение вредное своими испарениями и разложением в воде своих пней, недоступных ни для косы, ни для огня. Грязные «ставы» (запруды), нередко разрушаемые весенними наводнениями, терпеливо восстанавливаются и поддерживаются для водопоя стад и для работы мельниц. Камыш не искореняется, а напротив поддерживается, как необходимое в хозяйстве добро, как топливо, кровельный и городильный материал.

Не вдаваясь в рассуждение о том, больше ли выгод или больше лишений принесло бы народу отсутствие запруд и гатей на степных балках, – не на всех, конечно, но на большей их части, – выполним печальную обязанность показанием еще одной болезни, свойственной обзреваемому нами краю. Это цинга, гнездящаяся в жилищах бедности и неопрятности, заносимая нередко служивыми казаками из закубанских укреплений, а иногда развивающаяся и действующая эпидемически. Лихорадка и цинга, эти два местные бича народного здоровья, если не истребляют, то заметно перераживают народонаселение, в основание которого призвано было племя крепкого закала.

Мирные черкесы, обитатели прикубанских болот левой стороны, предохраняют себя от цинги чрезвычайно воздержным и подвижным образом жизни, а также обильным употреблением в пищу перца, чеснока и лука. Мать, желая отвязаться от докучающего ей ребенка, сунет ему в руку луковицу, и тот ее съест безо всего, с утешенным и веселым видом, словно пряник.

Пока климат этого края улучшится мерами, зависящими от человеческой воли и предприимчивости, пока это будет, – а вот, по сказке старожил, на их веку, произошли в температуре местной атмосферы видимые изменения: зимы сделались гораздо суровее против старых годов. В те годы не знали, как на зиму припасать для стада сено, а для пастуха кожух; в те добрые годы озимые запашки полей оканчивались пред Рождеством, а яровые начинались после Крещенья.

Тогда житье было на казачине. Какое диво, что само небо было к нам ласковее! Мы величали друг друга братом, а кошевого атамана батюком. Так оно было и на самом деле. Мы не чувствовали тесноты в светличке о трех окнах, под низко спущенной камышовой крышей, где, на светаньи Божьего дня, звонко чиликали воробы, благодарные за ночлег под одним с нами смиренным кровом. Наши матери и молодницы разъезжали в стародубовских кибитках, в которых только и роскоши было, что медные головки на «цвяшках» (гвоздиках); а мы-то, мы с пренебрежением смотрели на колеса, – и нас носили стремена. Стремя было для казацкого чобота, что крыло для пяты Меркурия. На дружеских пирах мы пили свою родную варенуху, услаждали вкус мнишками, а слух цымбалами, – и, под их разудалое, задирающее за живое,

бряцанье отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали нас в бою, затем что никто из нас назад не оглядывался⁶. У домашнего очага мы были недоступны ни для корчея, ни для иной злой немочи, – не было преждевременных морщин, за которые могли б они ухватиться. Все недоброе от нас, как мяч, отскакивало. Просто – житье было на казачине.

Оплакивающий оное доброе время не берется быть истолкователем изменения, восследовавшего в климате Черноморья, на памяти одного только поколения людей. Но из его собственной памяти не испарились еще повествования древних историков о том, что за пятьсот лет до Рождества Христова Таврические скифы, предприняв поход в Индию, переходили чрез Черное море по льду; что за сто лет до той же эры Митридат сражался со скифами на льдах того же моря, и что, наконец, в XI веке русский удельный князь Глеб, по льду Боспора Киммерийского, то есть Керченского пролива, измерял расстояние от Тмутаракани до Керчи. Выходит, что зима на Черноморье не есть явление новое. Ничто не ново под луною.

Рассказ пятый

Народность. – Религия. – Населенность. – Жилища. – Замечательные поселения. – Следы старинных селитеб. – Отличительные черты в быту общественном и семейном. – Отличительные качества нравственные

Черноморские казаки вышли из последней Запорожской Сечи и населили нынешний свой край в 1792 году. К первобытному их населению, состоявшему из двадцати тысяч «куренных» или служилых людей, присоединились по времени горсть запорожцев, вышедших из Турции, под именем Буджацких казаков, и два поселка добровольных выходцев из-за Кубани – черкес и татар. Сверх этих маловажных приселений сделаны были три раза значительные переселения на Землю Черноморцев малороссийских казаков из губерний Полтавской и Черниговской⁷.

В позднейшее время возникли в пределах Черноморья два приморских поселения, с особыми сословиями, не имеющими ничего сходного с сословием казачьим. Мы будем касаться их только в показании статистических цифр; общие же сведения и заметки о разных сторонах народного быта и характера будут относиться всегда к господствующему сословию казачьему.

Малороссийские казаки, из которых набиралась Запорожская Сечь, во все время ее существования, – кровные родичи черноморцам; а потому приселения их, как ни были они значительны, не внесли никакой разноплеменности в население коренное, и в настоящее время весь войсковой состав черноморского народонаселения носит одну физиономию, запечатлен одной народностью – малороссийской. Самые инородцы (черкесы и татары), численность которых не простирается далее одной тысячи мужеского пола душ, исчезая в массе господствующего

⁶ По казацкому поверью, заговор от пули и сабли может быть действительным только для тех, кто в бою ни разу назад не оглянется. Условие, *sine qua pop*, и весьма основательно.

⁷ С самого начала, в 1792 году, перешло на Черноморье 13 тысяч строевых казаков и при них до 5 тысяч душ женского пола. Затем, в следствие особых мер правительства, подошло еще врастяжку, в виде отсталых, до 7 тысяч семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края, после упразднения Запорожской Сечи. Это население коренное. К нему прибыло: в 1808 году, до 500 добровольно возвратившихся из Турции Буджацких казаков, старинных сечевых односумов черноморцев; в 1809–1811 годах, переселенцев из малороссийских губерний, Полтавской и Черниговской, 23 089 мужского и 16 672 женского пола душ; в 1821–1825 годах вторых переселенцев из тех же губерний 20 274 мужского и 19 689 женского пола душ. В пятилетие 1845–1850 годов третьих переселенцев из тех же и отчасти из Харьковской губерний, да разных вольноприписных, все таки из Малороссии, до 8500 мужеского и 7000 женского пола душ. Добровольно вышедших из-за Кубани, в 1798 году, черкес и в 1801 году татар, с прибывавшими поодиночке, до позднейшего времени выходцами – к первым из-за Кубани, к последним из Крыма, 1000 душ мужеского и около того же числа женского пола. (В числе черкес несколько десятков семейств очеркесившихся армян и греков.) А всего к коренному населению прибыло в войсковой состав: 53 363 мужеского и 44 361 женского пола душ.

населения, уже достаточно оказачились. Немало удивляет захожего русского человека, когда черкес заговорит с ним языком Пырятинского уезда. «Что за диво! – думает русский человек. – Нельзя сказать, чтоб был хохол, а говорит – из рук вон».

Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, под их военной кавказской оболочкой, черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном. Напев на клиросе, веснянка на улице, щедрование под окном, жениханье на вечерницах и выбеленный угол хаты, и гребля с зелеными вербами, и вол в ярме, и конь под седлом – все напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину Наливайка и Хмельницкого.

Мыслью, следственно существую, сказано о немцах, по крайней мере сказано это у них. Пою, следственно живу, может быть сказано о племенах славянских. Так, старая песня гетманской Украины живет неразлучно с поколениями народа, перенесшего своих пенатов с Днепра на Кубань, и звучит она тысячеустной повестью о славных делах и высоких качествах праотцев, в завет правнукам, далеко ушедшим от предковских могил...

За исключением небольшого числа инородцев, все черноморские жители войскового состава исповедуют греко-русскую веру, за неприкосновенность которой их прадеды пролили потоки крови в борьбе с нетерпимостью польского католичества. Расколов нет. Жертвующая преданность народа к церкви беспредельна. Не бывает наследства, самого скромного, из которого бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. В этом отношении черноморцы остаются верны святому обычаю своих предков: от всех приобретений меча и весла приносить лучшую часть храму Божию.

Инородцы, в войсковом составе находящиеся, принадлежат к последователям суннитского магометанства: татары – по задушевному верованию, черкесы – по имени. Здесь кстати будет заметить, что как шапсуги, к племени которых принадлежат черноморские черкесы, так и другие закубанские горцы слабо привязаны к исламу и недалеки от религиозного индифферентизма. Когда первый, еще не знавший, как взяться за свое дело, эmissар Шамиля, Хаджи-Магомет, явился среди абадзехов (в 1841 году) и заговорил к ним, с высоты корана, о правоверии, то дворяне, бывшие в числе первых его слушателей, пожали от недоумения плечами и холодно отозвались, что такие речи прилично выслушивать только муллам, а не благородным уоркам (дворянам). Не дженет и гурии корана, а страх стыда и желание известности в своем обществе, – чтоб не сказать чувство чести и жажда славы, – одушевляют черкесского уорка на битвы и опасности. В недавние годы умер у абадзехов двадцатилетний старец, последний представитель того времени, когда горцы не были еще мусульманами, даже и по имени. Позднейшая турецкая пропаганда, наложившая клеймо ислама на окружавшие старца поколения, не имела над ним никакого действия. Новое вино неудобно вменяется в старый мех. Наконец, в последние минуты жизни абадзехского Мафусаила муллы приступили к нему с увещанием, чтоб, по крайней мере, в другой мир явился он правоверным, если не хотел быть таковым на сем свете. Ветхий днями горец не сдавался, и служители корана решились испытать над ним последнее средство: пламенным словом стали они рисовать воображению умирающего картины рая и ада, до которых оставался ему один только шаг и между которыми проход так узок, как лезвие шашки. Тогда умирающий пришел в волнение, закрыл глаза рукой и последним оставшимся у него голосом проговорил: «Не хочу в ваш ад, не хочу и в ваш рай; дайте мне спокойно уйти в то место, куда ушли добрые и честные люди – мои сверстники». И чрез минуту ушел.

Всех жителей в пределах Черноморья, обоего пола:
Казачьего сословия – 165 000⁸

⁸ В этом числе значится 860 душ обоего пола крепостных дворовых людей, большая часть которых предназначена к поступлению в казаки.

Городовых сословий портового города Ейска – 20 000
Немецких колонистов – 220

Итого – 185 220 душ.

Оставляя в стороне город Ейск и немецкую колонию, войдем в особенное рассмотрение казачьего населения. В вышепоказанной общей цифре 165 тысяч заключается мужеского 85 000 и женского пола 80 000 душ. Из двух миллионов трехсот тысяч десятин удобной, в пределах Черноморья, земли, – за указными отводами ее для кордонной линии, портового города Ейска и немецкой колонии, для войскового дворянства и духовенства, для почтовых станций и скотопрогонных дорог, для рыболовных, соляных и нефтяных промыслов, для мельниц и других отдельных надобностей, и наконец в запас для имеющего увеличиться народонаселения, – приходится в действительный надел казаков по шестнадцати десятин на душу мужеского пола.

В естественном движении казачьего народонаселения, средним числом, родится 5300 душ; браком сочетается 1250 пар; умирает 4000 лиц. Приращение составляют 1300 лиц в год.

Число умирающих к числу живущих относится как 1: 41.

Число заключаемых браков к общему числу жителей относится, как 1: 132.

Число рождающихся к общему числу жителей относится, как 1: 31.

Все вообще жители Черноморья, как казачьего, так и других сословий, населяют три города, одну немецкую колонию, шестьдесят три куреня, или станицы⁹, пять поселков и до трех тысяч хуторов. Среди этого населения находятся две монашеские пустыни: мужеская и женская.

У черноморцев старого времени, как равно и у запорожцев, куренем называлась казарма, не только в смысле здания, но, еще более, в смысле помещавшейся в ней самостоятельной части войска, поставленного на походную ногу, мобилизованного. Каждый курень имел приписанное к нему село, или несколько сел, откуда снабжался жизненными припасами. С 1803 года, по замещении куреней, в смысле частей войска, полками, название это осталось при селах, которые в позднейшее время стали называться и станицами, для сходства с другими казачьими войсками. За название станиц первые ухватились канцелярии, и с такой поспешностью, как за замену слова *сей* словом *этом*.

Курени носят те же названия, какие исстари существовали в Запорожском войске. Из них лежащие по Кубани, на линии, укреплены окопом и огорожею, в защиту от нападений горцев. Число дворов в курене простирается обыкновенно от 200 до 1000.

Край заселен неровно: на одной полосе народонаселение легло слишком густо, на другой слишком редко. Первая из этих крайностей не представляет никакой соразмерности между числом жителей и подлежащим им, по положению, количеством земли.

Во всех показанных городах, куренях, поселках и хуторах состоит: церквей 70, с монастырскими; из них десять каменных, остальные деревянные; мечетей 3; войсковых домов, каменных до 30, деревянных и турлучных 140¹⁰; общественных запасных хлебных магазинов 60; соляных магазинов 4; почтовых станций 25; лавок каменных до 100, деревянных до 600; трактиров 10; питейных домов до 200; бань публичных 14; кузниц 150; заводов рыбоспелных до 200, кирпичных до 30, черепичных 2, кожевенных 6, салотопенный 1 и маслобойных 3; мельниц, водяных 70, ветреных 750; домов обывательских до 32 000.

⁹ В числе 63 куреней считаются и города Екатеринодар и Тамань, потому что они имеют двойное учреждение – городское и куренное.

¹⁰ Сверх войсковых зданий, состоящих в пределах войсковой земли, находятся в С.-Петербурге казармы с конюшнями, выстроенные из доходов Черноморского войска, для помещения лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона.

Между обывательскими казачьими строениями каменных не встречается почти вовсе, деревянные очень редки; земляные, то есть сложенные из землебитного кирпича, или просто из просушенного дерна, находятся на Таманском острове да по берегам Азовского моря и р. Еи, где почва, по своей сухости и тягучести, оказывается годной для подобного рода строений. Господствующие же у черноморцев постройки суть турлучные или мазанковые, в состав которых входит гораздо меньше леса, чем глины. Врываются в землю столбы, называемые сохами, и на них накладывается сверху «венец», то есть бревенчатая связь, служащая основанием кровельным стропилам и матице. Стенные промежутки между сохами заделываются плетенкой из камыша или хвороста. Редко положенные от матицы к венцу доски с камышовой, поверх их, настилкой, образуют потолок. Этот остов здания получает плоть и кожу из глины, смешанной с навозом. Если это жилище пана, то в нем будет окон очень много, вдвое больше против того, сколько нужно; если урядника, то при нем будут «присенки», крылечко на двух столбиках, вроде козырька при фуражке. Новые присенки при старой хате показывают, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном. Если в хате порядок и довольство, то на дымовую трубу будет надет деревянный островерхий колпак, с петушком вместо кисточки, поворачивающимся по ветру. «У богатого казака дымарь с крышкой, а в убогого лоб из шишкой». Турлучные постройки не должны быть, во-первых, обширные и высокие, а во-вторых, войсковые, или, что одно и то же, казенные. В первом случае они не будут иметь надлежащей прочности, а во втором неудобны тем, что требуют непрерывного ремонта. Трещина показала в потолке – мазка; косой дождь ударил в стену – еще большая мазка; а пропущена мазка – здание пошло валиться. Потом столбы, на которых держатся потолок и крыша, скоро подгнивают в основании, и здание косится, ползет врозь. Последнее неудобство могло бы быть устранено с помощью жидкого стекла, если бы покрывать этим стеклом концы столбов, врываемые в землю, что делало бы их недоступными гниению. Как бы то ни было, но турлучные жилища, особенно в этом непостоянном и нездоровом климате, тяжелы: всякая сырость и порча воздуха задерживаются в них долее, и многолюдная семья не может в них дышать так легко, как в деревянной избе. Четвероногие черкесы кладовых и чуланов предаются в них хищничеству с большим удобством; они прокладывают себе скрытные пути внутри самых стен, от основания до потолка. Да и самое производство постройки непривлекательно – что-то вроде горшечного дела; и если б Диоген явился не в Афинах, а в Черноморье, то эмблемой человеческого приюта избрал бы он не бочку, а глиняную макитру¹¹. Но покамест еще только такие жилища доступны средствам черноморцев. Их безлесный край осужден снабжаться строевым лесом издалека: с Дону и из-за Кубани, от горцев. На Дон – далеко и дорого, а на Кубани, по военным обстоятельствам, не всегда бывает лес в привозе. Первые оседлые обитатели Черноморья, казаки екатерининского века, не находя приюта на поверхности обнаженной пустыни, зарывались в землянки, – и эти мрачные, сырые убежища делались могилами для целых тысяч новосельцев.

Однако ж выгода глиняных жилищ та, что их нелегко берет огонь. Поэтому пожары довольно редки, не только в куренях, но и в городах, которых, как было уже упомянуто, три, а именно: Екатеринодар, Тамань и Ейск.

Екатеринодар — главный город в Земле Черноморских казаков, при реке Кубани, в 220 верстах выше ее устья, в 62 от крепости Устьлабинской, в 260 от Ставрополя и в 1400 верстах от Москвы. У горцев Екатеринодар называется Бжедугскяль, то есть Бжедугский город, по ближайшему его соседству с бжедугским народом.

Местоположение города, болотистое и нездоровое, представляет мало удобств для обитания, не только городского, цивилизованного, но даже самого простого и близкого к природе.

¹¹ Большой кувшин, с широким отверстием. Замечательно, что у закубанских горцев архитектура тоже турлучная, хотя и живут они среди лесов. Подобные парадоксы можно объяснять не иначе, как застарелыми привычками народа, жившего когда-нибудь на другой местности, под другими условиями. В Закавказском крае встречаются поселения, которые, будучи расположены между лесами, употребляют на топливо кизяк, а не дрова.

Осенью и весной, нередко даже и среди зимы, улицы города бывают наполнены топями, почти непроходимыми. Тогда воз с тяжестью проехать по ним не может. Вследствие чего базары, на которые привозятся съестные припасы для пропитания городского населения, учреждаются вне города, и кому с какого угла надобно въехать в город, тот туда и направляется с поля, хоть бы для этого приходилось околесить верст десять. В то печальное время на главнейших площадях образуются озера, и люди, не любящие шутить, утверждают, что видят на них диких уток. Одна только привычка казаков ездить смело верхом по самым опасным, закрытым неровностям делает такое затруднительное положение городских сообщений выносимым. Но горе страннику, заброшенному судьбой или службой в войсковой город, во время растворения в нем пятой стихии! Извозчиков – и заведений нет, да хотя б и были, все равно оставались бы без практики.

Общая всему краю климатическая болезнь – лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнездится и развивается в главном городе, при основании которого, на виду хищного неприятеля, внимание казаков было поглощено одними тактическими соображениями. Спасибо, что попалось им в те поры место, обойденное с трех сторон болотами, за которыми можно было заснуть спокойно. Это же место было покрыто лесом. Лес рубили и около пней, без дальних хлопот, «будовали» хаты.

Много трудов было уложено на осушку города посредством канав; но это нисколько не помогло, потому что площадь, занимаемая городом, приподнята у краев и вдавлена посредине. Вид ее поверхности сравнивают с блюдом и находят, что сколько она удобна для огорода, столько же невыгодна для города.

Екатеринодар, так названный во имя, блаженной памяти, Государыни Екатерины II, основан в 1794 году. В протоколе об основании его сказано: «Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов, при реке Кубани, в Карасунском куте, воздвигнуть град». Как видите, целью «воздвигнутия града» была опора кордонной стражи! Ныне в этом отставшем от современного значения граде насчитывается до 2000 домов, то есть хат, изваянных из глины вышеобъясненным способом и покрытых камышом и соломой. Частных каменных зданий ни одного, деревянных, под железной крышей, несколько. Хаты стоят в таких положениях, как будто им скомандовано «вольно, ребята»: они стоят и лицом, и спиной, и боком на улицу, какая в каком расположении духа, или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей ее постановке. Одни из них выглядывают из-за плетня, другие из-за частоколу, третьи, и не многие, из-за дощатого забора; но ни одна не выставится открыто в линию улицы. Напротив, большая их часть прячется в глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанию своей некрасивой и бедной наружности. В хатах и дворах соблюдается чистота; на улицы выбрасывается сор, где и лежит он, пока поглотят его лужи. Эти улицы, кроме дарового света луны, когда он есть, не знают другого освещения. В начале нынешнего столетия они были очень широки и по бокам ровны. Теперь ширина их несколько сузилась и бока сделались зубчаты, словно речные берега, испытавшие частые обвалы. И действительно, их непрочные заборы не далеко отошли от рыхлых берегов какой-нибудь степной речки. Эти частокольные и плетневые заборы, подгнивая в своем основании, часто требуют перестановки, а каждая перестановка, неизвестно для какого именно общего блага, выдвигает их вперед, все ближе и ближе к фарватеру улицы. Такое наступательное движение, совершаясь одинаково с обеих сторон, представляет печальную перспективу, или лучше сказать – уничтожает всякую перспективу в будущем развитии города¹². Если городильный материал будет оставаться надолго один и тот же, – в чем неуместно было бы сомневаться, – то легко можно высчитать время, когда обе линии той или другой улицы достигнут желаемого соединения, сольются как половинки затворенной двери. Тогда, – что ж

¹² Нельзя ли из этого современного нам явления объяснить необыкновенное сужение улиц в азиатских городах?

тогда будет с этим бедным бурьяном, который, не подозревая возможности подобного события, беспечно и простодушно растет на улицах, к особенному удовольствию разгуливающих по ним животных, ненавидимых черкесами? До первой холеры произрастал на улицах войсковой резиденции, равно как и всех подчиненных ей куреней, бурьян мягких пород; с показанного же времени не только на улицах и площадях, но даже на выгонах и на всех больших дорогах появилась острая колючка, занесенная на Черноморье из Крыма, как полагают, в мычках извозчиков лошадей. Этот растительный лишай с чрезвычайной быстротой распространился по всему лицу войсковой земли. Крапива любит развалины и запустение; крымская колючка, напротив, избирает для себя места жилые и усыпает своими иглами свежие следы человека.

Чтоб сократить дальнейшее описание Екатеринодара, – чрез что он ничего не потеряет, – довольно сказать, что этот город имеет вид большого села, главная особенность которого состоит в том, что оно служит вывеской всех остальных сел в крае. Кто видел Екатеринодар, тому не для чего смотреть Черноморье.

Войсковой город Екатеринодар не подходит под общее учреждение городов в губерниях. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди собственно городских сословий могут иметь в нем временное пребывание, могут быть только гостями; но прав оседлости и гражданства в нем не получают. Оседлое же его население состоит исключительно из одних казаков, общество которых и составляет курень Екатеринодарский, несколько не отличающийся в своем учреждении и быте от других куреней. Именуется этот курень городом потому, что в нем находятся власти, присутственные места и заведения, приличные городам, и потому, что имеет он герб, которого символы знаменуют сторожевое поселение у ворот государства. Жителей в Екатеринодаре до 8000 душ обоего пола. В том числе: генералов 2, штаб- и обер-офицеров до 150, урядников более 300 и казаков 3500. Лиц духовного звания 25. Временные гости и посетители города суть: русские люди податных состояний, армяне, жида и черкесы.

В Екатеринодаре имеет пребывание войсковой наказной атаман с главным войсковым управлением, военным и гражданским. Из общественных зданий города могут быть упомянуты 4 церкви православных, а одна армянская. Из них одна только православная церковь, устроенная в здании войсковой богадельни, каменная; все остальные деревянные. Возведенная в городской крепости, в первых годах нынешнего столетия, войсковая соборная церковь есть редкое по сложному и громадному своему составу деревянное здание, покоящееся на деревянных же стульях. Один архитектор назвал оное дерзостью архитектуры. В этой церкви три алтаря. Иконостасы алтарей величественны. Это не постройка мастера, а создание художника. Колонны, карнизы, резьба, живопись – все изящно. В левом приделе, с краю от дверей, стоит большая икона, представляющая сон Иакова. Не насмотришься на это высокое произведение неизвестной, но не дюжинной кисти. Лик спящего патриарха – страница из книги Бытия. В лицах и воздушной постановке крылатых небожителей, сходящих и восходящих по лестнице между небом и землей, отсвечивает тайное помышление: к чему нам эти ступени?..

Проспектом на соборную церковь проходит чрез весь город главная улица, называемая «красной». Никогда эпитет не был помещен так неудачно. На этой улице и еще на двух торговых площадях находится 160 лавок, из коих до 50 каменных; остальные деревянные. Вне города, на ярмарочной площади, устроено 248 лавок деревянных, принадлежащих войску и клонящихся к падению. Торговля имеет большое содержащее и малое содержимое.

Войсковая гимназия и первоначальное училище; духовное уездное училище; войсковой госпиталь; два провиантских магазина, войсковой и казенный; два пороховых парка и два арсенала; войсковая богадельня, – единственное в городе двухэтажное здание; войсковой острог, огороженный высоким дубовым тыном, как в старину огораживались наши города, и имеющий вид зверинца; карантинная застава; меновой двор для торговых сношений с горцами; паромная переправа чрез Кубань; два или три завода кирпичных, один пивоваренный и один салотопенный; остатки дубового палисада со стороны горцев и множество ветреных мельниц со

стороны мирного населения; обезоруженная крепость, ровесница городу, и наконец рытвины и холмы старинного городища, над которым, в качестве позднейшей иеремеады, поместилась кордонная казачья вышка, – вот все примечательности Екатеринодара, устройство которого как нельзя больше выражает старинное казачье правило: «на границе не строй светлицы».

Однако ж, как богатство и бедность составляют понятия относительные, не подчиненные одному всеобщему мерилу, то и Бжедугскяль, в свою очередь, пользуется славой великопнейшего города в мире; пользуется он этой славой между обитателями бедных закубанских аулов, в глазах которых стекло в окне есть величайшая роскошь, и по сокращенной географии которых Русское государство не простирается от Кубани далее Дона.

Изменяются обстоятельства, изменится и войсковой город к лучшему. На этом пути начнет он с того, что перейдет на лучшее место, где не была бы затруднена не только органическая, но и промышленно-торговая жизнь. Таковым местом могла бы быть – *Тамань*, древняя Фанагория, Таматарха, Тмутаракань, – в эпоху завоевания края нашим оружием, – Турецкая крепость Хункала, ныне одна из небогатых и немногочисленных станиц Черноморского войска. Она лежит под 45° сев. шир. и 36° вост. долг., при восточной бухте Керченского пролива, на общении Подкавказья с Крымом. В 1848 году учреждено пароходное сообщение между Таманью и Керчью. В Тамани одна пристань для мелких судов, одна церковь каменная, 10 лавок и 150 домов, большею частью земляных и сложенных из обломков старинных каменных зданий, отрываемых из-под земли. Эти приземистые домики покрыты черепицей и землей. Под земляную кровельную насыпь подстилают морскую траву камку, выбрасываемую из пролива на берег. Камка имеет ту особенность, что никогда не гниет под землей. Общественных заведений, кроме убогой гостиницы и первоначального училища, никаких. Жителей до 1500 душ обоего пола. Из них 32 офицера.

Тамань носит название и имеет герб города по одним лишь историческим воспоминаниям; по настоящему же своему учреждению это курень, как и все остальные. Герб Тамани заключает в себе, сверх эмблем рыболовства и соляного промысла, великокняжескую шапку, в память существовавшего здесь в одиннадцатом веке русского удельного княжества. По положению своему на соединении двух морей Тамань может *встать из своего векового праха* и сделаться для Черноморья тем же, что наша северная столица для всего государства. Здесь войско «прорубило бы окно» для Феодосийской железной дороги и цивилизации внутренних провинций. Но для этого, да и вообще для приведения в надлежащий вид главного сухопутного сообщения Кавказа с Крымом, необходимо, прежде всего, подумать об устройстве прочной шоссейной дороги чрез болото, отделяющее Таманский остров от степного Черноморья.

Тамань лежит на песчаной равнине, у подошвы потухшего вулкана. Прежние обитатели этой местности умели заставить песок лежать смирно; не смел он шевелиться под виноградной лозой, курагой и другими садовыми насаждениями. При казаках же выходит, что в Екатеринодаре за грязью, а в Тамани за песком пройти трудно. Особенного сожаления заслуживают разорение и запустение водопроводов, обильно снабжавших Тамань пресной водой в прежнее время. Вода двух уцелевших фонтанов чрезвычайно приятна и здорова. Посредине города лежит обширный резервуар. Когда-то был он выложен камнем и наполнялся водой из окружающих его водометов; теперь он разорен и запущен, и если набирается иногда водой, так от одних лишь дождей или тающих снегов.

Смежно с Таманью лежит крепость Фанагория, построенная Суворовым в 1792 году. Она составляла последнее звено в цепи крепостей, возведенных на Кубани при основании здесь нашей линии, и в настоящее время упразднена, как и остальные ее сверстницы.

От города отжившего перейдем к городу, начинающему жить, к портовому городу *Ейску*. Этот, как обыкновенно пишут его теперь, юный город лежит у Ейской косы Азовского моря. Ейская коса, ближайшая к устьям Дона, вдается в море на семь верст и имеет вид искусственного мола, которого раздвоенная оконечность образует гавань, удобную для стоянки и нагрузки

больших судов. Ейск учрежден 6 марта 1848 года с целью доставить ближайший сбыт за границу произведениям Черноморья, Ставропольской губернии и земли Кавказских казаков. Он населяется людьми свободных податных состояний, без причисления их к казачьему сословию и с дарованием новосельцам льгот от податей и повинностей на пятнадцать лет. Из войскового сословия предоставлено селиться в нем только чиновным лицам да казакам торгового общества. Устройство города идет быстро и правильно. Самые скромные домики возводятся из приличных материалов и с соблюдением всех условий городской архитектуры. До настоящего времени (1857 г.) возведено уже: фасадных домов 700, надворных жилых строений до 800 и лавок до 150; открыто магазинов 60; устроено заводов: кирпичных 20, черепичных 2, кожевенных 6 и маслобойных 3.

В числе двадцати тысяч городских жителей (как показано выше) состоит купеческих капиталов: первой гильдии 144, второй гильдии 37 и третьей 225.

Судов из-за границы бывает в приходе до 120 и в отходе около того же числа. Привоз заграничных товаров простирается на сумму до 51 500 руб.; отпуск за границу произведений Подкавказья – до 330 000 руб. сер. Привозятся: маслины, орехи, олиф, рожки, перец, сыр; отпускаются: пшеница, льняное семя, сурепка, шерсть, кожи.

Между городом Ейском и куренем Долгим, на берегу Азовского моря, в урочище «Широка Падина» поселена в 1852 году немецкая колония Михельсталь. В ней домов 32 и жителей 220 душ обоего пола. Жители эти переведены сюда из Острогожского уезда Воронежской губернии с целью служить казакам образцом добропорядочного хозяйства.

Из казачьих поселков, лежащих у берегов Азовского моря и обязанных своим происхождением рыболовному промыслу, заслуживает внимания Ачуевская усадьба, находящаяся при болотистом устье Протоки. Здесь самый богатый рыболовный завод, исстари принадлежащий войсковой казне и приносящий ей 30 тысяч рублей серебром годового дохода. Он помещается на остатках Турецкой крепости, которая когда-то замыкала вход в кубанские воды из Азовского моря. В этом месте, наиболее посещаемом судами рыбопромышленников, войско соорудило каменную церковь и на своем иждивении содержит ее причет.

По всему Азовскому поморью и по берегам Ахданиза, Кизилташа, Бугаза и Таманского залива лежат в холмах и рытвинах остатки крепостей, пристаней и селитеб татарских, генуэзских, греческих, – широкая нива для археолога. По Каракубанскому острову и вниз оттуда по протяжению правого берега Кубани до самого Бугаза тянется цепь опустелых, поросших травой, городков, в которых жили некрасовские казаки, служившие султану за иудины сребреники. С приходом сюда черноморцев, против которых дрались они как неприятели, некрасовцы перебрались за Кубань, к Анапе; а когда Пустошкин в 1807 году взял и Анапу, они ушли за море, в Турцию. Распространяющееся могущество отечества гналось за отступниками грозным преследователем. Настигаемые им всюду, они могли восклицать: куда уйду от духа твоего и от лица твоего куда убегу?.. Понесусь ли на крыльях зари, переселюсь ли на край моря – и там рука твоя поведет меня...

Поселения живые, нынешние курени, большей частью многолюдны, выражаясь точнее – многодворны, – и только. Говорить о каждом из них значило бы повторять непривлекательное и тем не менее с подлинным верное изображение главного войскового города. Из шестидесяти трех куреней только два инородческие непохожи на все остальные. Это Гривинский – Черкесский, при устье ерика Ангелика, и Адынский – Татарский, близ Ясенских соляных озер. Первый населен в 1798 году шапсугами, выведенными из-за Кубани уорком (дворянином) Али-Шеретлуком. Этот Али-Шеретлук, с немногими приверженными к нему подвластными, искал у казаков убежища от озлобленной против него демократической партии, которая в то время по милости Турецкого шариата усилилась в Шапсугском обществе до того, что ниспровергла древнее его феодальное устройство. Адынский курень населен в 1801 году крымскими татарами, жившими хуторами около Анапы, откуда грабежи и насилия горцев принудили их

перебраться к черноморцам. В числе позднейших выходцев из-за Кубани приселились к Гривинскому куреню несколько десятков семей очеркесившихся армян и греков, предки которых завлечены были торговлей из Турции в ущелья Кавказа.

Местом первоначального поселения куреня Адынского был северный берег Таманского залива; но недостаток земли и другие причины заставили войсковое начальство перевести его оттуда на теперешнее место в 1850 году. В то же время несколько десятков черкесских семейств с потомками уорка Али-Шеретлука отделились от Гривинского куреня и перешли в низовье Керпилей, к куреню Новоджерелиевскому, где составили особый посёлок. Разом с ними армянские и греческие семейства отселились к куреням Брюховецкому и Переяславскому.

Оба инородческие куреня имеют общее со всеми прочими учреждение и управление, но в отбывании службы пользуются особыми льготами. Об отличительных свойствах их обитателей можно сказать, что черкесы самый беспокойный народ в собственном общежитии и в соседстве с казаками, а татары самые лучшие работники на соляных озерах.

Относительно всей совокупности куреней можно высказать два общие замечания: в куренях, прилегающих к рыбопромышленным водам, больше жизни, благоустройства и довольства, больше добрых нравов, – и самые казаки, взятые в смысле военных людей, бодрее, развязнее и смышленнее; напротив, в куренях степных, где преобладает пастушеский быт, меньше предметов, на которых глазам отрадно было бы остановиться; казаки менее развиты и более склонны к конокрадству и волокрадству, более подвержены этой нравственной болезни беднейшего класса войскового народонаселения. Те, наконец, из степных куреней, на полях которых меньше хуторов, имеют лучший вид и лучшую нравственность пред теми, которые сжаты хуторами. Все вообще курени населены простыми и мало-достаточными казаками. На пятьдесят домохозяев едва приходится один, который имел бы *свой плуг*, то есть мог бы пахать землю собственными средствами, не делая складчины с другими домохозяевами, *не спрягаясь*. Чиновные и сколько-нибудь состоятельные жители рассеяны в одиночку, по хуторам. Эти тучные отростки от тощего дерева разносят соки и глушат корни жизни общественной. Может быть, при степном скотоводстве, хутор, поселенный у места, столько же необходим, как кочевая кибитка; но нельзя не заметить, что казацкое общество тяготеет больше к своей окружности, чем к средоточию, что раздробление, особничество, или, как сами казаки говорят, «показанщина» (от слова казан, котел) составляют отличительную черту характера черноморцев. Им все как-то тесно, и в самом куренном поселении они отодвигаются сколько можно дальше один от другого. Они не сливаются в обществе, как камни в здании. У них каждая отдельная личность обчеркнута резко, угловато – не скоро подберешь и приставишь одну к другой, – и если у кого, так это у них *крайности соприкасаются*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.